

Joseph RAISKIN Semyon Kotko — non-operatic name?

Иосиф РАЙСКИН Семен Котко — «неоперное» имя?

Семен Котко! Что за герой с таким «неоперным» именем? И может ли бомбардир Семен Котко соперничать с дворянскими, царскими фамилиями на оперной сцене? С Евгением Онегиным или Борисом Годуновым, с Доном Карлосом или Набукко?

Сергей Прокофьев — гениальный оперный драматург... и солнечный человек (он и родился в украинской деревне с названием Сѳнцовка — по-русски Солнцевка или Солнечная!). Солнечные брызги сверкают в потоках финала Классической симфонии, всесокрушающее языческое «Шествие солнца» завершает «Скифскую сюиту», столь же радостный неумолимо-заклинательный подъем — восход солнца — венчает коду Третьего фортепианного концерта. В «Пяти стихотворениях Анны Ахматовой» романсы «Солнце комнату наполнило» и «Память о солнце» — ключевые образные приметы вокального цикла. Со страниц партитур льется заразительный солнечный смех («Любовь к трем апельсинам», «Обручение в монастыре»). Иное, черное обуглившееся солнце вдруг обожжет посреди радости (как в пронзительной коде финала Шестой симфонии)...

«Ты солнечный богач» — обратился к композитору Константин Бальмонт («Ребенку богов, Прокофьеву»). Солнечный богач, он знает все краски солнечного спектра. Ему ведомы легкие прикосновения «розовоперстой Эос» (в финале Первого скрипичного концерта, в «Утренней серенаде» из «Ромео и Джульетты»), но еще ярче он живописует восход солнца любви (финальное *Amoroso* из «Золушки»). Сказочная Огневушка-поскакушка из балета «Сказ о каменном цветке» — меньшая сестра Жар-Птицы.

Но солнечный Прокофьев — еще и огнепоклонник! От «ликующего пожара», услышанного Бальмонтом в Третьем фортепианном концерте, — до взрывающегося языками пламени могучего остигатного вихря в финале «Огненного ангела»... От картины горящей Москвы в «Войне и мире» — до потрясающей по силе музыкальной экспрессии подлинно шекспировской сцены пожара и сумасшествия Любки в «Семене Котко»!..

Помнится, почти пятьдесят лет назад мы уходили потрясенные с «Семена Котко». А ведь это был даже

The article elucidates the history of stage productions of Sergey Prokofiev's opera *Semyon Kotko* and presents a critical view on renewal of the 1999-dated performance of the opera on the new stage of the Mariinsky Theatre.

Key words: Sergey Prokofiev, *Semyon Kotko*, opera.

В статье освещается сценическая история оперы С. С. Прокофьева «Семен Котко» и предлагается критический взгляд на возобновление спектакля 1999 года на новой сцене Мариинского театра.

Ключевые слова: С. С. Прокофьев, «Семен Котко», опера.

не спектакль! Два дня кряду Ансамбль советской оперы ВТО, сперва в Доме актера, а потом в Доме композиторов, давал эту совершенно неизвестную тогда оперу Прокофьева в концертном исполнении. Да не с оркестром — под рояль! Правда, за роялем сидел фантастический концертмейстер Григорий Зингер, а в грандиозной сцене пожара в третьем акте еще и колотили в рельсу!

Но главное — слушатели уносили с собой ощущение совершенно нового оперного языка. Эти вкусные — с лукавой неправильностью смешанной русско-украинской речи (суржика) — фразы: «Вза-и-и-мно», «И с тем досвиданьчика...», «Тебе не видать, мене же видать...», или самый короткий музыкальный портрет на акцентированных слогах: «Бомбардир Семен Котко». А остроумный урок артиллерии в партизанском лагере: «Значится... Какой же мы видим пред собою предмет?... Пушки образца девятьсот четвертого года...». А скорбный «Заповіт» на слова Тараса Шевченко, а это без конца повторяемое, за душу хватающее причитание обезумевшей Любки: «Нет, нет, то не Василек, нет, то не Василечек...!» Но, конечно, с благодарностью принимали и те сравнительно немногие закругленные номера — ариозо, дуэты, в которых еще более ярко расцветал дар Прокофьева — гениального мелодиста. Мы сразу влюбились в «Семена Котко»!

А ведь на далекой премьере 1940 года в Московском оперном театре имени К. С. Станиславского (после ареста Всеволода Мейерхольда оперу ставила Серафима Бирман) на слушательской реакции отзывалась инерция привычного оперного репертуара, сказывалась театральная рутина вкупе с мертвящим официозом поднятых на щит советских «песенных» опер вроде «Тихого Дона» Ивана Дзержинского и «В бурю» Тихона Хренникова. Но вот мнение одного студента консерватории: «В тот вечер, когда я впервые услышал „Семена Котко“, я понял, что Прокофьев — великий композитор». Этим студентом был 26-летний Святослав Рихтер! Какое счастье, что в гениальную партитуру влюбился Валерий Гергиев! А с каким энтузиазмом откликнулась вся оперная труппа! К ожерелью опер Прокофьева в репертуаре Мариинского театра добавился еще один драгоценней-

«Семена Котко». Сцена из спектакля. Фото Валентина Барановского

ший камень. В «Семена Котко» влюбился и зал, поначалу не ожидавший чуда от «советской» оперы.

«Котко» нелегко «дается» в режиссерские руки. С ним не совладали до конца и Георгий Товстоногов (Руслан Киреев) в Кировском театре в 1960-м, и Борис Покровский в Большом в 1970-м. В 1999 году режиссер Юрий Александров и художник Семен Пастух задумали не очередную инсценировку оперы к очередной «красной» дате, а жесткую и искреннюю повесть о российском XX веке. «Россия нам кажется, — говорит режиссер, — одиноким астероидом и одновременно платоновским „Котлованом“, который летит в космосе со своей судьбой, отдельной от всего остального мира. История не бывает ни плохой, ни хорошей — это наша история. Это история о брате, восставшем на брата, о дочери, предающей отца, о русских людях, теряющих Родину в кровавом вихре Гражданской войны...».

Вопреки искушениям препарировать авторскую партитуру оперы с нелегкой судьбой, Гергиев и Александров не стали менять в ней ни ноты, ни слова. «Кто-то, — вспоминал Александров, — предлагал изменить текст „Да здравствует Ленин!“ и т.п. Мы отказались от этой идеи. Потому что это наша хроника, наш „Ричард III“». Вместо того чтобы переделывать финал, режиссер прибег к его «остранению» в духе абсурдистской драмы. И то сказать, разве не была советская действительность, мягко выражаясь, «странной», настоящим, не придуманным театром абсурда! И, если вдуматься, не писал ли Прокофьев мажорный финал, советский *happy end* — как и в некоторых других произведениях (например, в гениальной Кантате к XX-летию Октября) — с явным, легко прочитаемым «двойным дном». Режиссеру Александрову удалось это услышать и воплотить в совершенно парадоксальной форме.

По сию пору иные журналисты, особенно молодые, ни одного дня сознательной жизни не проведшие в советское время, то назовут «Семена Котко» «одной из самых идеологизированных советских опер» (вы не слышали «Семью Тараса» или «Броненосца „Потемкина“», господа!), то заговорят о «красногвардейском пафосе оперы советского композитора Прокофьева». В московском журнале «Эксперт» прочел в дни премьеры 1999 года: «...Вернувшись в СССР, композитор предал свой блестящий стиль, вы-

нужденно упростился и деградировал. По сути „Семена Котко“ для Сергея Прокофьева знаменовал начало творческого конца». Вот таким образом проводится порой «экспертиза» гениальной оперы Прокофьева. К счастью, в подавляющем большинстве критики — и у нас, и за рубежом — высоко оценили работу театра: абсолютно безусловно ее музыкальную часть (фантастический оркестр, ведомый Гергиевым, хор, многочисленных солистов этой весьма «населенной» оперы) и с оговорками — режиссуру Александрова и сценографию Пастуха.

К числу тех, кто не всё принимает в режиссуре и сценографии, отношу и себя. Самый главный упрек могу адресовать центральной сцене оперы — ее генеральной кульминации. В сцене пожара и сумасшествия Любки так много сценической суеты, изобразительных деталей, световых и звуковых эффектов, костюмных экстравагантностей и т.п., что они отвлекают внимание слушателей-зрителей, особенно новых, неискушенных. Пиротехническое шоу с огнеметами, которые изрыгают пламя и... заглушают гениальную музыку, — попросту «из другой оперы» — скажу больше, оно уместно на дискотеке, а не в Мариинском театре. Но эта избыточность режиссуры, идущая от неумной фантазии постановщиков, не может помешать высоко оценить спектакль в целом. «Семена Котко» — безусловный прорыв в нашем оперном театре, по достоинству отмеченный всеми мыслимыми наградами на фестивалях и конкурсах.

Когда в мае состоялась премьера-возобновление «Семена Котко», на этот раз на новой сцене Мариинского-2, в пору было удивиться: это оказался 15-й спектакль со дня премьеры в 1999 году — пятнадцатый за пятнадцать протекших лет! Право же, мы не дорожим своими собственными богатствами. А пели и играли все так же хорошо — и Виктор Луцюк (Семен), Татьяна Павловская (Софья), Варвара Соловьева (Фрося), Станислав Леонтьев (Микола), и потрясающий Геннадий Беззубенков (Ткаченко), и Ольга Сергеева, блестяще дебютировавшая в роли Любки... перечисление всех исполнителей заняло бы изрядную часть текста. Но как не сказать о мариинских хоре и оркестре, под рукой Валерия Гергиева зажигающих пожар почище любых спецэффектов (да и попросту «зажигающих», на нынешнем сленге)! Как не сказать, сколь современным предстает спектакль о событиях столетней давности в отблесках пожара, бушующего ныне в Украине! Как не подивиться еще раз финалу, казалось, придуманному Юрием Александровым, а вот поди ж ты — осуществившемуся наяву!